

УДК 1(091)+930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.4.207

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий лингвистический контекст. Стремясь продемонстрировать динамическую природу отношений, которые существуют между провозглашаемыми принципами и реальными практиками политической жизни, Скиннер ставит в центр внимания риторические стратегии и тактики, способы лингвистического манипулирования на примере процесса легитимации поведения сторонников развития капитализма в Англии XVI–XVII вв. **Ключевые слова:** интеллектуальная история, речевой акт, понимание, иллюкутивная сила, язык.

Интерес К. Скиннера к риторике и использованию различных стратегий для легитимации новых социальных практик и ценностей явно проявляется в контексте обсуждения проблем политической философии раннего Нового времени. В центре его внимания в работе «Некоторые проблемы анализа политической мысли и действия» (1974) и несколько преобразованной версии первой статьи – «Моральные принципы и социальные изменения» (2002) стоят идеологические аспекты истории, динамическая природа отношений, которые существуют между провозглашаемыми принципами и реальной практикой политической жизни. Несмотря на то, что сам Скиннер говорил о близости работ по проблематике, следует отметить и некоторые различия. Первая статья более объемна по содержанию и полемична по характеру, включает в себя рассуждения об истории политической мысли, проблемы истолкования канонических текстов. Второе сочинение, напротив, сосредоточено на изучении одной проблемы – процесса легитимации поведения сторонников развития коммерческого общества в Англии XVII в. посредством риторических стратегий.

Одними из интеллектуальных оппонентов Скиннера являются два его непримиримых критика – Б. Парех и Р. Берки [4]. В центре их мысли стоят следующие установки: во-первых, в некоторых случаях понимание текста не требует изучения контекста; во-вторых, убеждение, что интеллектуальная история должна быть сосредоточена на изучении «идей-единиц». По мнению Д. Винера, основная причина критики Скиннером подобных методологий заключалась в том, они дали начало ряду «экзегетически правдоподобных, но исторически невероятных интерпретаций классических

текстов» [11]. Для Скиннера же необходимым условием понимания текста является восстановление его исторического значения и помещение в соответствующий интеллектуальный и лингвистический контексты. Выступая против позиции Пареха и Берки, он констатировал, что «текста, взятого самого по себе, не может быть достаточно, чтобы обеспечить даже самый правдоподобный и последовательный внутренний анализ аргументации» [9, р. 99].

Основополагающим контекстом для Скиннера является лингвистический, поэтому многие критики, например М. Бевир, характеризовали его подход как лингвистический контекстуализм [1]. Он позволяет увидеть, как человек «захвачен» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что современные концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности [2]. Лингвистический контекст состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, стало быть автор действует только в рамках словарей (или же идеологий) [8]. Любые попытки определить внеисторическое значение текста потерпят неудачу, поскольку не существует идеального языка или фиксированного значения слов, на которые интерпретатор текста может ссылаться при переводе [3].

Итак, каким образом возможно восстановить историческое значение текста? Ответ Скиннера очень прост – ключ к пониманию исторического значения текста должен лежать в восстановлении намерений автора при его написании. Интересны и уточняющие замечания. Во-первых, ряд критиков (к примеру, Парех и Берки) выступали против предположения о том, что автор сложного произведения имел определенное «намерение» совершить действие для достижения результата [4]. Однако Скиннер никогда не предполагал ничего подобного, отмечая множественность воплощаемых намерений. Во-вторых, по мнению Тарлтона, восстановление намерений автора может быть «достаточно для правильного понимания рассматриваемой работы» и следовательно, это является единственной задачей интерпретатора, хотя Скиннер настаивал лишь на том, что выявление намерений – это одна из задач интерпретатора текста [10, р. 102]. В-третьих, Скиннер не отстаивал уникальность и оригинальность своей методологии. К примеру, Тарлтон совершенно справедливо отмечает определенную степень влияния воззрений Д. Данна, Д. Покока, Р.Г. Коллингвуда на творчество Скиннера. Парех и Берки видят в качестве основного источника вдохновения Скиннера традиции логического позитивизма, хотя, как постоянно указывает теоретик, именно антипозитивистский идеализм Коллингвуда оказал на него наиболее сильное влияние. Тем не менее, можно частично согласиться с позицией Пареха и Берки, поскольку Скиннер достаточно часто отталкивается от логического позитивизма, к примеру, обращаясь к работам Л. Витгенштейна [9, р. 103].

Методология Скиннера предполагает, что для правильного понимания текста необходимо не только указать традиции дискурса, с которыми

связан рассматриваемый автор, но определить, какое действие мыслитель или оратор осуществляет, когда обращается к языку конкретной традиции. При этом основное внимание следует уделять не языку или традициям как таковым, а, скорее, тому диапазону вещей, которые в принципе могут быть осуществлены в конкретный момент времени. Следовательно, основным вопросом будет следующим – какой диапазон речевых актов может стандартно реализовываться писателем при использовании конкретного набора понятий или терминов? Если задать подобный вопрос относительно творчества Г. Болингброка, можно продемонстрировать, что одна из главных целей его политических работ заключалась не столько в том, чтобы сформулировать набор тех политических принципов, в которые он верил сам, а скорее в том, чтобы напомнить его оппонентам о тех принципах, в которые якобы верят они. При изучении исключительно языка политических работ и традиций общества, этот уровень анализа оставался бы недоступным. Однако при исследовании данных вопросов возможно бы было достигнуть нового уровня понимания политических работ [9, p. 107].

Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях» Витгенштейна – *слова есть также действия*, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остиным, в центре внимания которой стоял вопрос, что именно подразумевается под исследованием употребления слов и что имеется в виду, когда слова рассматриваются как действия [6]. Для Остина, равно как и для Витгенштейна, понимание любого высказывания включает в себя не только трактование смысла и значения терминов, используемых для его артикуляции. Необходимо обнаружить средства для восстановления того, что субъект действия осуществлял, говоря то, что было сказано, и, следовательно, понять, что он мог иметь в виду, произнося высказывание, обладающее определенным смыслом и отсылками.

Хотя Витгенштейн, как представляется Скиннеру, уже отмечал наличие различных измерений языка, именно Остин смог осуществить их дифференциацию, выделяя традиционно описываемое измерение, связанное с непосредственным значением слов и предложений, и «особую силу» (иллокутивную), с которой высказывание формулировалось или произносилось в каждом конкретном случае. Иллокутивный акт является одним из неологизмов, введенных Остиным для того, чтобы определить точный смысл того «использования языка», которое его интересовало. Говорить с определенной иллокутивной силой – значит совершать действия определенного рода, вовлекаясь в процессы осознанного поведения. Скиннер, в свою очередь, преобразовал позицию Остина, сблизив ее с идеями П. Стросона и Д. Сёрля: «Мне кажется, что если мы хотим дать определение иллокутивным актам, которое не смог дать Остин, нам нужно серьезно отнестись к их статусу речевых актов и подумать о намерениях, необходимых для их успешного выполнения» [5].

Говоря о силе высказывания, Остин, главным образом, указывал на его коммуникативную направленность, стремясь понять, что мог делать субъект, произнося то, что было сказано. Подобное измерение отличается от целого ряда вещей, которые возможно сделать, используя слова, например, когда говорящий стремится чего-то добиться или намеренно воздействует на адресата в целях достижения определенного результата (что представляет собой перлокутивную силу). Другими словами, Остин определял иллокуцию как действие, совершаемое при произнесении чего-либо, а перлокуцию как эффект и действие, совершаемое в ходе высказывания о чем-либо при использовании оценочно-дескриптивных терминов. Вместе с тем, следует отметить, что Скиннер не отмечает еще одного измерения, выделяемого Остиным – локутивного, представляющего собой само произнесение высказывания, которому присуще значение [7, р. 148–149]. Закономерным вопросом, возникающим при обсуждении подобной позиции, является определение того, что связывает иллокутивное измерение языка и выполнение иллокутивных актов – и, по мнению Скиннера, этим элементом являются намерения действующего субъекта.

Сосредотачиваясь на идеологических моментах истории политической мысли, Скиннер стремится продемонстрировать динамическую природу отношений, которые существуют между провозглашаемыми принципами и реальными практиками политической жизни [9]. Чтобы объяснить действие, обычно необходимо указать цель, к достижению которой стремится субъект, соответствующую мотивам поступков. При этом субъект также должен быть уверен, что выполнение данного действия будет способствовать достижению желаемой цели. Если же субъект заявляет, что действует ради какого-либо принципа, и если принцип, к которому он обращается, действительно является мотивом для действия, то к нему необходимо обратиться в процессе представления объяснения. Основной вопрос состоит в том, можно ли когда-нибудь применить подобную структуру для анализа сложных взаимоотношений между идеологией и социальными или политическими действиями. Как отмечает Скиннер, попытки подобного рода в настоящее время отвергнуты, вследствие сомнений, которые ряд философов выражали в отношении установки, что мотивы являются причинами. Кроме того, вопрос о взаимосвязи между политической мыслью и действием эквивалентен эмпирическому вопросу о том, могут ли выступать политические принципы субъекта действия мотивами для его политических действий. В результате ряд ученых пришли к выводу, что политические принципы не играют никакой роли в объяснении политического поведения [9, р. 109]. Однако подобные предположения кажутся Скиннеру ошибочными. Даже если мы признаем, что провозглашаемые субъектом действия принципы никогда не являются его реальными мотивами, можно выделить один тип ситуации, в которой принципы могут изменить его поведение и действия. Очевидно, что мотивы субъекта действия в этой ситуации обычно будут смешанными и сложными, но, в тоже время, можно утверждать, что необ-

ходимость достижения соответствующего образа действия путем легитимации поведения будет иметь первостепенное значение [9, р. 111].

Для сохранения простоты аргументации, Скиннер ограничивается изучением следующего примера – ситуации, когда субъект социального или же политического действия, которое не является культурно одобряемым, имеет сильный мотив для его легитимации. Предположим, что субъект действия – коммерсант, связанный с высокодоходным коммерческим предприятием в Англии на рубеже XVI–XVII вв. Ожидаемая прибыль является мотивом для его стремлений обрести уверенность в том, что он сможет спокойно продолжать свою деятельность. Тем не менее, существующие социальные и религиозные стандарты представляют данное действие в сомнительном свете с моральной и юридической позиции. В данных условиях необходимо, чтобы субъект имел возможность описать поведение таким образом, чтобы отвергнуть любые враждебные оценки его деятельности и легитимировать все, что он делает. Другими словами, по Скиннеру, единственным возможным мотивом для описания сомнительных и нежелательных социальных действий является стремление признать их правомерными перед другими людьми, которые ранее сомневались в их законности или нравственности, даже если субъект действия не придерживается декларируемых им морально-этических принципов [9].

В центре внимания Скиннера стоят идеологи-новаторы, и здесь он опирается на работы М. Вебера. Определяющей задачей их деятельности являлась легитимация формы социального поведения, которая ранее традиционно рассматривалась как сомнительная и нежелательная. Что же способствовало успешному выполнению данной задачи? Стремясь ответить на данный вопрос, Скиннер обращается к области языка, уделяя особое внимание изучению совокупности слов и суждений, которые выполняют как оценочную, так и описательную функцию, при их использовании как для описания отдельных действий, так и для характеристики мотивов, по которым данные действия совершаются [7].

Рассмотрим более подробно пример, предлагаемый Скиннером – идеолог-новатор и те иллюкутивные и перлюкутивные эффекты, которые он стремится достичь в речах, для того, чтобы побудить или убедить слушателей или читателей принять новую точки зрения. Данная проблема может решена в рамках исторического исследования – и тогда в центре внимания будет стоять вопрос о том, насколько им удастся осуществить подобные надежды. Лингвистического исследование, ориентированное на изучение намерений акторов, ставит иной акцент – изучение иллюкутивного воздействия, которого они могут достичь, например, одобрения или неодобрения действий, которые они описывают. Именно это и будет придавать оценочно-описательным терминам их идеологическое значение.

Подобное риторическое манипулирование, по мнению Скиннера, позволяет установить, поддерживать, подвергать сомнению какие-либо позиции, что может в перспективе привести даже к изменению морально-

этической идентичности. Описывая и одобряя определенные образы действий как честные, дружелюбные или смелые, характеризуя и осуждая другие поступки как предательские, агрессивные или трусливые, общество поддерживает видение того социального поведения, которое необходимо поощрить или отвергнуть. В этом случае все идеологи-новаторы сталкиваются с трудной, но очевидно риторической задачей. Основная их цель заключается в том, чтобы легитимировать сомнительные и нежелательные, с позиции существующей морали, формы социального поведения, продемонстрировать, что к ним возможно применить ряд позитивных терминов и концептов, даже если они их не придерживаются на самом деле [7, p. 149]. Для это необходимо использовать сформированный понятийный аппарат для того, чтобы утвердить новые модели поведения и способы мышления.

В тоже время, следует отметить, что ситуация реального мира будет отличаться от предлагаемой упрощенной модели Скиннера. «Мы не можем предполагать, что идеологи-новаторы обязательно будут применять к своему поведению тот оценочный словарь, который на *самом деле* лучше всего подходит для легитимации. Скорее они будут применять тот словарь, который, *по их мнению*, лучше всего подходит для этой цели. Но они, конечно, могут допустить ошибку или осуществить иррациональный выбор при выборе наилучших средств для достижения своих целей» [7, p. 150]. Признавая рациональность субъекта действия, Скиннер отмечает некоторые моменты. Во-первых, представление социального действия как рационального подразумевает его объяснение. Во-вторых, объяснение того, почему субъект осуществляет действие, должно включать в себя объяснение, почему кто-либо считал, что для него рационально совершить определенное действие [9, p. 113].

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер демонстрировал, каким образом сторонники развития капитализма репрезентировали свое поведение, используя концепции, применяемые для прославления идеалов религиозной жизни, что, несомненно, было их рациональным выбором. С одной стороны, они понимали, что применение подобных концептов для описания действий является механизмом легитимации. С другой стороны, они были убеждены, что данная попытка увенчается успехом. Протестантская концепция призвания отражала их собственный мирской аскетизм, при этом возможно говорить о наличии определенного рода сходств между протестантским идеалом индивидуального служения и преданности Богу и коммерческой убежденностью в важности долга, служения и преданности своей работе [7, p. 151]. Хотя Вебер не проводил исследование риторических стратегий идеологов-новаторов, стремившихся использовать существовавший «культурно-моральный словарь», чтобы легитимировать спорное поведение, Скиннер выделяет две возможные риторические стратегии их деятельности. Первая состоит в манипулировании речевым потенциалом при использовании тех или иных описательных терминов, применяемых для оценки действий. Основная цель подобной стратегии со-

стоит в том, чтобы описать действия таким образом, чтобы дать понять идеологическим оппонентам, что слова, обычно используемые для выражения неодобрения, применяется для обозначения одобрения или, по крайней мере, нейтральности. Другими словами, субъект действия обладает стандартными инструментами в стремлении легитимировать свои неблагоприятные социальные или политические действия. Следовательно, он должен быть готов заявить, что его сомнительные и нежелательные действия, на самом деле, опираются на некий общепринятый набор социальных или политических принципов. Это, в свою очередь, подразумевает, что даже если субъект действия на самом деле не мотивирован данными принципами, он должен вести себя таким образом, чтобы его действия соответствовали им. Природа и диапазон оценочных концепций, которые субъект может попытаться применить для легитимации поведения, связаны с преобладающей моралью общества, что является специфическими ограничениями и указаниями для языковой деятельности. Следовательно, принципы, которые субъект действия, в конечном итоге, решает исповедовать, являются ключевыми факторами, определяющими его стремление следовать какой-либо конкретной линии действий [9, p. 117].

Суть данной стратегии состоит в том, чтобы преобразовать чувство неодобрения, возникающее при использовании определенных терминов. Следует выделить две основные тактики реализации первой стратегии. Первой является попытка внедрения в язык новых, более благоприятных терминов. Например, можно создать и применить новые термины для описания любых сомнительных или нежелательных действий, претендующих на одобрение: в частности, слово «бережливость» впервые стало широко применяться в конце XVI в. для описания мотивов и форм поведения, к одобрению которых стали стремиться. Другим, более распространенным приемом подобной тактики является преобразование нейтрального термина в благоприятный (обычно посредством метафор) и применение его вследствие «расширенного значения» для описания образов действий, требующих одобрения. Возможно встретить множество примеров трансформаций подобного рода в трудах тех, кто писал в защиту коммерческой жизни раннего Нового времени. Например, метафорическое (и, следовательно, оценочное) использование таких слов, как проницательность и прозорливость, впервые появляется в языке для описания талантов коммерческой деятельности, поскольку у людей появляется потребность в одобрении и похвале [7, p. 151–152].

Другая тактика заключается в расширении диапазона речевых актов, обычно реализуемых при использовании существующих неблагоприятных терминов. Здесь также существуют два возможных приема. Во-первых, возможно использовать термин, обычно применяемый для выражения неодобрения так, чтобы «нейтрализовать» его. Одним из успешных примеров применения подобного является слово «амбиции». Данное выражение стало приобретать современное нейтральное значение только в период раннего

Нового времени. В предшествующий период оно применялось для выражения решительного неодобрения любых действий, в описаниях которых оно встречалось. Во-вторых, возможно превратить в противоположность сам речевой акт, в котором употребляется негативный термин. Примером является история слов «практичность» и «расчетливость». До начала XVII в. эти термины почти всегда использовались для выражения неодобрения и даже презрения. Однако в течение последующих поколений их оценочная сила начала меняться, и они стали использоваться для выражения одобрения коммерческого здравого смысла [7, р. 152]. Другой возможностью является изобретение новых терминов, обладающих негативным значением, которые, в определенной степени, бросают вызов общепринятым нормам поведения. Например, слова «расточительство» и «растрачивание своего имущества» получили широкое распространение в конце XVI в. и использовались для выражения неодобрения аристократического идеала демонстративного потребления и похвалы «божественной бережливости». Другой риторической техникой будет являться обращение в противоположность речевого акта, содержащего похвалы высказываний. Подобное произошло с такими словами как «послушный» и «снисходительный». Они широко использовались на протяжении всего XVI в. для выражения одобрения, но трансформировались в термины неодобрения вследствие изменения идеала аристократического и иерархического общества.

Вторая стратегия, выделяемая Скиннером, заключается в манипуляциях критериями применения существующего набора терминов, который обычно используется для выражения одобрения или похвалы. Основная цель состояла в том, чтобы использовать термины, обладающие социально одобряемым значением, для описания спорного и сомнительного поведения, поскольку «критерии, позволяющие применить ряд позитивных описаний деятельности, присутствуют в тех действиях, которые считаются нежелательными в определенном обществе» [7, р. 153]. Подобная риторическая стратегия является мало изученной, но представляет собой одну из наиболее распространенных и важных форм идеологической аргументации. Именно она соединила принципы протестантизма с практикой коммерческой жизни раннего Нового времени. Рассмотрим, например, два основополагающих слова в религиозном словаре того времени: «провидение» и «религиозный». Во второй половине XVI в. те, кто хотел похвалить успешное проявление осторожности и предусмотрительности в денежных делах, стали утверждать, что данное поведение следует рассматривать как «заслуживающее похвалы проявление провидения» или же как «похвальное следствие провидения» и, следовательно, как возможную форму поведения. В то же время те, кто стремился пропагандировать ценности протестантизма, стали утверждать, что характерный акцент на пунктуальность и точность не следует осуждать как чрезмерно строгий и суровый. Скорее следует признать и похвалить подобную «подлинно религиозную форму обязательств». Лучшим доказательством идеологических мотивов, действующих в новых

моделях социального описания, являлось то, что значения этих слов вскоре стали расширенными и запутанными [7, р. 153]. Термин «провидение» стал применяться просто для обозначения дальновидных действий в практических делах. «Когда Д. Уилер в “Трактате о торговле” писал в защиту “торговцев-авантюристов”, он прославлял дальновидность в распространении “товаров Компании... при провидении и справедливости”. Когда У. Александер аналогичным образом писал, защищая поселенцев Вирджинии в “Поощрении колоний”, он также отмечал “провиденческую напористость” как причину их “успеха”. Л. Робертс превозносил “заботу и трудолюбивую предусмотрительность” правителей, поощряющих зарубежную торговлю, отмечая, что их дальновидность отражена в их “провиденческих указах”, и в то же время напоминая читателю, что “из-за отсутствия заботы и провиденческой предусмотрительности многие короли лишились торговли”» [7, р. 153–154].

Прослеживая эволюцию идеала религиозного поведения, Скиннер утверждает, что с течением времени он стал использоваться просто для обозначения случаев прилежного, старательного и педантичного действий. В «Трактате о торговле» Уилер восхвалял свободу торговли, которая была первоначально позволена англичанам в Нидерландах. Эти «древние свободы и вольности Империи», отмечал он, «были предоставлены добровольно, и до тех пор, пока религиозные принципы сохранялись как по отношению ко всем подданным, так и по отношению ко всем ее друзьям и союзникам» (цит. по: [7, р. 153–154]). Еще более явный пример нового употребления возможно встретить в «Рассуждениях о торговле» Т. Мана, призывавшего соотечественников «пробудить умы и усердие, чтобы... поддерживать развитие промышленности и искусств» (цит. по: [7, р. 153–154]). Работы Робертса демонстрировали, что новое словоупотребление полностью укоренилось. Посвящая свой трактат двум палатам парламента, он описывал их как «религиозных направляющих», которые «руководят штурвалом нашего королевства» (цит. по: [7, р. 153–154]).

Результатом воздействия подобной риторики в XVII в., по мнению Скиннера, стало ассоциирование прилежного, старательного, педантичного поведения с религиозными ценностями. «Старый лозунг *Laborare et orare* – трудиться и молиться – уступил место предположению *Laborare est orare* – что трудиться – значит молиться» [7, р. 155]. На данном этапе представление о том, что значит вести подлинно религиозную жизнь, изменилось, а риторика субъектов действия способствовала конструированию другого, более комфортного мира для их потомков.

Позиция Скиннера, выражающаяся в убеждении, что протестантизм сыграл роль в легитимации (и, таким образом, поощрении) подъема капитализма, основана на предположении того, что капитализм предшествовал протестантизму. «Я пытался показать, что из этого факта не следует – как, по-видимому, полагает Тревор-Роупер – что протестантизм не сыграл причинной роли в развитии капитализма» [7, р. 157]. Защитники подобной по-

зиции, по мнению Скиннера, игнорируют тот факт, что ранним капиталистам не хватало легитимности в том моральном климате, где они находились. Поэтому в качестве условия процветания им необходимо было найти какие-то средства легитимации своего поведения, и одним из способов стало присвоение оценочного словаря протестантизма. Он способствовал повышению степени приемлемости капитализма и ориентировал его развитие в некоторых направлениях, в том числе, в сторону этики трудолюбия. Относительная приемлемость новой модели социального поведения, в свою очередь, помогла обеспечить развитие и процветание экономической системы.

Итак, интеллектуальная история Скиннера, основанная на признании необходимости интертекстуального подхода к текстам, подразумевает помещение сочинений в интеллектуальные контексты и рамки дискурса, которые позволят понять, какие намерения преследовали авторы при их создании. Скиннер ставит в центр внимания риторические стратегии и тактики, способы лингвистического манипулирования на примере процесса легитимации поведения сторонников развития капитализма в Англии XVI–XVII в. Понимание действия коммерсанта, по Скиннеру, предполагает ряд импликаций. Во-первых, изображение отношений между социальным словарем и миром как чисто внешних является ошибочным. С одной стороны, социальные практики помогают придать смысл словарю. С другой стороны, социальный словарь определяет характер данных практик. Во-вторых, определение роли оценочного языка в ходе легитимации социальных действий позволяет обнаружить точку, в которой сходятся и объединяются социальный словарь и структура общества. Любой образ действий зависит от степени его легитимации, а любой принцип, который способствует принятию образа действий, будет одним из условий, способствующих его осуществлению. Какими бы революционными не были взгляды идеологов-новаторов, признавая необходимость легитимации действий, они стремились описывать поведение и деятельность в культурно одобряемых терминах и данный диапазон терминов не был установлен сам по себе. Вопрос об их доступности и применимости может быть сведен к проблеме значения используемых терминов. Данные факторы, в свою очередь, являются ограничениями и указаниями для тех, кто стремится утвердить новые формы поведения.

Список литературы

1. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2023).
2. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.10.2023).
3. Havercroft J. Skinner, Wittgenstein and Historical Method [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/43263810> (accessed: 26.09.2023).

4. Parekh B., Berki R.N. The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2708724> (accessed: 14.08.2024).
5. Skinner Q. Interpretation and the Understanding of Speech Acts // Visions of Politics. Volume I Regarding Method. P. 103–127.
6. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 22.02.2024).
7. Skinner Q. Moral principles and social change // Visions of Politics. Vol. I Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 145–157.
8. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
9. Skinner Q. Some problems in the analysis of political thought and action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 97–118.
10. Tarlton C.D. Historicity, Meaning, and Revisionism in the Study of Political Thought [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2504719> (accessed: 14.08.2024).
11. Wiener J.M. Quentin Skinner's Hobbes [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/190779> (accessed: 14.08.2024).

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: PROBLEMS OF LEGITIMATION OF SOCIAL PRACTICES

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

Skinner's contextualism is expressed in presenting that texts can be correctly understood and interpreted within the appropriate linguistic context. In an effort to demonstrate the dynamic nature of the relationship existing between professed principles and the actual practices of political life Skinner focuses his attention on rhetorical strategies and tactics, methods of linguistic manipulation. The example he uses is the process of legitimizing the behavior of supporters of the commercial society in England in the 16–17th century.

Keywords: *intellectual history, speech act, understanding, illocutionary force, language.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2024.